После недели, казалось, бесконечного дождя, небо решило дать нам передышку.

Из бушующего шторма, обрушившегося на дом каплями размером с камень, утопающие дожди превратились в мягкую морось. Капли дождя падали вокруг нас, и только в тишине слабого ливня и звоне в ушах я понял, насколько громкими были грозы. Молнии преследовали нас всю последнюю неделю - легион белых трещин в облаках, как будто небо было на грани разрушения, сопровождаемый грохотом, от которого сотрясалась черепичная крыша домика.

Такой опыт был обычным для Сезона утопания. И после нескольких дней неспокойного сна, испугов от молний и криков сквозь дождь, отсутствие грозы теперь казалось мне странным.

Я задавался вопросом, так ли себя чувствует тот, кто излечился от глухоты.

Каждый малейший звук снова казался мне чужим, как будто я слышал его впервые. Прикосновение кожи к ткани, мягкий стук капель по лужам - рёв бури поглощал их целиком. А теперь, когда облака ждали, пока небо снова наполнится дождем, эти маленькие звуки вновь процветали.

Я и забыл, насколько приятными могут они быть.

Нехотя я потянулся за своим инструментом. Моим бансури. Я уже пытался исполнить песню бури, но она была слишком яростной. Слишком злой. Музыка, которую я создавал, не могла примириться с резкими, хлёсткими звуками грома и шторма. Но теперь, в медленном, мягком, как одеяло, затишье ураганов, возможно, облака прислушаются.

Первые ноты песни начали выходить из бансури, который я поднёс к губам. Мягкие, тонкие ноты. Низкие, как туман, и спокойные, как закат.

Звук вышел, словно уговаривающая рука, заставляющая воду двигаться.

Я пробовал сделать, как Вивиан. Она останавливала капли дождя и превращала их в оружие - водяные пули, способные пробить сталь. Но сейчас мне не нужно было такое мощное заклинание.

Нет, я просто хотел попрактиковаться.

Однако не похоже, что у меня была такая возможность. Как раз в тот момент, когда песня начала овладевать водой, я услышал сзади звук трости. Оглянувшись, я увидел старуху, которая смотрела на меня своими глазами-бусинками. Она нахмурилась, глядя на мой бансури.

«Этот инструмент выглядит старше меня, мальчик,» - сказала она. «Неужели ты больше ни на чём не играешь?»

Я моргнул. Пожал плечами: «Никогда не было возможности попробовать.»

«Тогда возьми то, что я собираюсь тебе предложить. У меня есть лютня - используй её. Тренируйся. Даже инструменты заслуживают отдыха, а я устала слушать звуки этой флейты.»

«Это бансури.»

«Ба.»

Посмеиваясь, Вивиан пошла вперёд, стуча тростью по полу, и уселась на соседний стул. Я посмотрел на неё.

«Ты играешь на лютне?»

«Давным-давно, пока мои пальцы не стали слишком жесткими, чтобы брать аккорды.»

При этих словах Вивиан перевела взгляд на мир за окном. Она, казалась, отвлеклась. Возможно, предаваясь воспоминаниям? Она часто так делала, ведь была уже в возрасте. Каждый раз это заставляло меня задуматься о том, какую жизнь она прожила, какой груз истории лежит на её плечах.

Я с любопытством разглядывал морщины на её лице.

Неужели она поздно стала бессмертной? Теперь, когда я подумал об этом, её возраст был странным для природы её существования. Она сама говорила мне в течение последней недели, на наших уроках - бессмертные, такие как мы, не подвержены времени. Мы не стареем. Мы не голодаем. Как только человек становится бессмертным, он живёт вечно.

Так почему же было такое ощущение, что она может умереть в любой момент?

Вивиан, казалось, заметила мой пристальный взгляд. Она нахмурилась: «О чем бы ты ни думал, мальчик, забудь об этом. Из-за этого взгляда мне хочется тебя ударить.»

Я вздохнул: «Мне просто интересно, почему ты всё время такая ворчливая.»

«Я стара. Ворчливость, это одна из черт стариков.»

«Даже бессмертных?»

«Как ты думаешь, почему большинство из нас ненавидят друг друга?»

Приятно было узнать, что все мои современники - сварливые старики и старухи. Я вздохнул. Если старость собирается превратить меня в занозу в заднице, то мне лучше провести её просто спя. По крайней мере, это было бы более приятным время препровождением, чем беспорядочные похищения птиц и споры с другими бессмертными.

Я прислонился к подоконнику, упёршись подбородком в тыльную сторону ладони. Я бросил на Ведьму вопросительный взгляд.

«Ты провела эксперименты, которые я тебе оставил?»

Вивиан усмехнулась: «Иначе меня бы здесь не было. То же самое и с тобой - ты практиковал свои чары?»

«С плохими результатами.»

«Хм. Результаты есть результаты. Покажи мне.»

Вздохнув, я кивнул. Голова всё ещё болела от тренировок, но я никогда не жаловался на небольшой дискомфорт. Не тогда, когда это означало улучшение. Мать давно выбила из меня это ребячество, а отец закалил его дисциплиной в кузнице. Я поднял руку, раздвинул пальцы в воздухе, а затем яростно сжал их в кулак, впиваясь когтями в невидимую ткань реальности. Я прошептал с шумом тысячи голосов в своём дыхании.

[illegible]

Реальность заколебалась. Я ухватился за блуждающие нити и потянул за потёртые концы. Я сосредоточил свой разум на промежуточном, сгибая видимое с невидимым, прослеживая линии, пересекающие швы. Я превратил их в маску, в образ, в плетение. Кусочек реальности, чтобы изменить восприятие мира.

Я натянул капюшон плаща на голову, и тени вокруг моего лица потемнели. Они стали густыми, как смола, скрывая моё лицо от чужого внимания. Внутри черноты моего капюшона остался лишь отблеск двух серебряных глаз. Я почувствовал, как голос в моём горле изменился, погрузившись в туман. Мой голос стал статичным; слышимым для тех, кто слушал мою речь, но забывался теми, кто покидал моё присутствие.

Под этим капюшоном я больше не был Роуэном Киндлбрайтом, который невидим для всего мира. Я был незнакомцем с присутствием, но без лица - безымянным, но не невидимым.

Чары.

Под туманом я изо всех сил старался сохранить иллюзию. Это было похоже на собирание магнитов в кучу. Кусочки прилипали там, где не должны были прилипать, а те, что имели значение, грозили разлетится, отталкиваемые несовместимыми полярностями. Отталкивание и притяжение, постоянно менялись, делая невозможным удержать их в едином целом.

Мои чары длились всего три минуты - это был максимум, который я мог выдержать. И чары были только первой частью. Легкой частью.

Потому что дальше шло именование. Создание личности и привязка её к правилу.

А у меня не было правила. Мой разум отказывался его принимать.

Не было ничего, что было бы для меня истинным, никакого абсолютного действия, вокруг которого я мог бы сплести все эти чары. Я должен был задать себе вопрос: кем должен был быть этот незнакомец? Каково было его Имя? Его цель? Его причина существовать? Кем бы ни была эта личность, которую я пытался создать вокруг себя, она не хотела просто путешествовать. Она хотела не просто быть замеченной смертными, но чего-то большего. Чего-то еще.

Но чего?

Я стиснул зубы. Новое Имя было отдельной личностью - набором желаний, вторым характером. Отголосок меня самого, который мир мог бы признать. И чтобы сделать это, ему нужна была цель. Что-то простое. Что-то глубокое. Что-то стоящее. И при этом это должно было быть что-то, с чем мир согласился бы.

Я не представлял, какая цель может соответствовать всем трём пунктам.

Прошло три минуты.

Плетение распуталось. Тени посветлели. Мой капюшон спал. Сияние моих глаз померкло. И вот я уже не безымянный незнакомец, а снова Роуэн Киндлбрайт. Головная боль, словно тысяча маленьких иголок, вонзилась в мой мозг. Я вздрогнул, сделал шаг назад и оперся о подоконник.

«Как я и говорил,» - пробормотал я, застонав. «Плохие результаты.»

Вивиан покачала головой: «Чтобы понять своё плетение, ты должен понимать себя. Ты молод, а дети многое узнают о мире, но очень мало о себе. Эта личность является частью тебя - тебе просто нужно понять, какой именно.»

Я кивнул, и от этого крошечного движения у меня в голове запульсировала боль. Меня внезапно затошнило, я поднес руку ко рту и заставил рвоту вернуться в горло. Горько. Грубо.

Абсолютно ужасно.

Мне потребовалось ещё одно мгновение, чтобы собраться с мыслями.

По крайней мере, меня не стошнило, как в первый раз. Маленькая победа.

«Это как иметь второй разум внутри моей головы,» - сказал я, побледнев. Я посмотрел на своё отражение в окне и сверкнул взглядом: «Но этому второму разуму не нравится ничего из того, что я предлагаю. Он не хочет искать моих родителей, он не хочет, чтобы люди слышали его песни, и он не хочет путешествовать по миру. Он даже не хочет вернуть моё Имя!»

Боль - это одно, но разочарование было еще хуже. Если эта личность является частью меня, то почему же, тень Предка, было такой занозой в заднице, иметь с ней дело?

Вивиан снова постучала тростью об пол. Тук, тук. Терпеливо, но твердо. «Значит, у тебя появились ещё три желания, которые ты вычеркнул. Подумай об этом ещё. Предлагай больше. Практикуйся, общайся и создай Плетение, с которым ты сможешь прейти к соглашению.»

Я вздохнул. Управлять ветром с помощью музыки - это одно, но колдовство - это действительно кроличья нора странностей. Предки, я даже не знал, что оно существует, пока меня не превратили в бессмертного. Раньше я думал, что есть только артефакция и арканизм - науки, для понимания которых требовались годы обучения.

И все же, изучение этих двух дисциплин казалось более достижимым, чем это.

«Попробую еще раз через пару минут,» - сказал я, качая головой. Мой мозг пульсировал. «Моя голова может взорваться, если я буду продолжать делать это без перерывов.»

«Хм. Пусть будет так. Нет никакого давления, когда у тебя есть целая вечность, чтобы понять это, не так ли?»

«Хотя было бы лучше выучить это до того, как ты отвезёшь меня домой. Я не хочу проверять отца в виде какого-то призрака.»

Махнув рукой в сторону, Вивиан повернулась. Она направилась к лестнице, вниз, в свою всё ещё разрушенную мастерскую, и остановилась только для того, чтобы взглянуть на меня: «В таком случае, молись, чтобы ты и твоё Плетение смогли договориться о правиле. Всё равно ты сам виноват в том, что у тебя такой тяжёлый характер, а?»

Предки, ненавижу, когда люди оказываются правы. Я позвал Вивиан.

«Вивиан! Где, ты говоришь, ты хранишь эту лютню!?»

«Наверху! И не кричи в моём доме, мальчик! Если тебе что-то нужно, подойди и спроси! Из-за отсутствия манер твоё Плетение так трудно понять!»

Как грубо.

Я отошёл от стула и поднялся по лестнице. Хотя сам домик был маленьким, комнаты были явно больше, чем казались. Ещё одна из магий Ведьмы. Я не был уверен в том, что могу оценить, на что она способна. Когда человек становится бессмертным, его потенциал фактически становится бесконечным, верно? Если так, то как далеко зашли некоторые из них? Насколько могущественными стали?

Меня бросало в дрожь при мысли о том, на что способны другие. Они бежали марафон со скоростью спринтера, в то время как я был всего лишь малышом, ковыляющим от стартовой линии.

Если Фейри является хоть каким-то показателем того, какими были бессмертные в целом, то мне предстояло пройти долгий путь, прежде чем я смогу встать рядом с ними.

Тем не менее, это не мешает мне смотреть на вещи, с светлой стороны.

Сейчас мой иммунитет к старению означает, что я могу оттачивать свои навыки столько, сколько захочу. Я могу петь, играть, путешествовать, и всё это вместе. Я могу посмотреть мир, и не было бы неразумным полагать, что я могу делать это спокойно. И сейчас, поднимаясь по лестнице, я совершаю этот первый шаг.

Я вошёл в комнату Вивиан.

Это было небольшое помещение. Удобная кровать стояла у стены, рядом с ней росли виноградные цветы, проросшие на шпалерах у окна. У изножья кровати лежал футляр из темной кожи, красного дерева, с серебряными застежками. На тех местах, где дерево было покрыто лаком, я увидел искусную резьбу из цветов и виноградных лоз, заполненную золотой краской. Я схватил футляр и моргнул смотря на него.

Дорого, было моё первое впечатление. Но, прежде всего, это была красивая вещь. И за ней ухаживали. Это было видно по полировке дерева и блеску кожи. Это было видно по чистым застежкам и легким следам износа под ними, что говорило о годах постоянного использования футляра.

Я сглотнул. Неужели я действительно могу им воспользоваться? Он был похож на сокровище, больше, чем на что-либо ещё.

«Как ты думаешь, Аами, она убьет меня, если я случайно сорву струну лютни?» спросил я, ожидая, что шоггот выползет из кармана, где он обычно спал, но ответа не последовало. Я моргнул и заглянул в плащ. Аами не было. И когда я поднял бровь, я понял.

Я не видел и Венти.

С самого утра. Я нахмурился и встал, подойдя к окну, чтобы выглянуть наружу. Дом сейчас стоял на месте. Он отдыхал, примостившись на вершине одного из высоких, ничем не примечательных деревьев. Мои глаза тщательно осматривали лес в поисках их следов, но я видел только листья, ветки и дождь снаружи.

Чем же сейчас занимаются эти двое?

http://tl.rulate.ru/book/60551/1676640